

Клич освобождения: реакция под личиной революции

В своей лекции, прочитанной перед немецкой аудиторией, я говорил как человек, который *изучал* историю, сегодня перед аудиторией чисто русской я буду говорить как человек, который *переживал* историю.

Милостивые государи, самое злобное, самое ужасное, самое роковое в происшедшей в России революции заключается в сознательном и грубом разрыве исторической преемственности, в циническом неуважении к своей истории, к ее образам и лицам, к ее алтарям и святыням.

Вне исторической преемственности невозможно никакое историческое творчество. Но и там, где хотят превратить страну, ее быт, ее общественное строение в *tabula rasa*, где мнят *обрить историю*, даже и там это на самом деле не удастся. Производят разрушения, но при этом разрушая, калеча, уродуя, в историческом смысле как-то лишь перевертывая какие-то исторические пласты их и тем самым обедняя их содержание.

Это общее размышление приводит меня к исторической характеристике русской революции: *реакция под личиной революции*.

Господа, в русской истории всегда действовали *построяющие* и *разрушающие* силы, действовали силы связующие и разлагающие, но до 1917 года эти последние всегда, не доходя до конца, терпели поражение. В 1917 году они победили. Они сломали и сломили, изуродовали и изувечили вековую русскую культуру, пытались выкорчевать ее главнейшие политические, социальные, духовные достижения. Все это отчасти удалось — и я как историк и как политик ощущаю одинаково явственно и сильно, что большевицкая революция отбросила Россию в XVI и XVII век.

Но вот что замечательно: она совершила это злое, реакционное дело не столько своей разрушительной частью, сколько так называемой созидательной. Да, в России очень, до ужаса много сбито и разрушено. Но главное разрушение состоит все-таки не в этом святотатственном сносе исторического здания, а в так называемом коммунистическом строительстве. Разрушения в истории гораздо менее разрушительны и опасны, чем *строительство отравленных духом и по порочным замыслам*. Голые разрушения создают пустое место, отравление же ядовитым духом и возведение построек, порочных в самой основе их замыслов, не только портят души, они надолго создают оковы и воздвигают темницы, которые томят дела и души не днями и месяцами, а годами и десятилетиями.

В самом деле: Россия разрушительной работой большевиков отброшена в XVI и XVII век, но даже не эта реакция, сама по себе, есть самое ужасное и роковое. Самым ужасным и роковым является то, что Россия обретается теперь в отрицательном пространстве, в *обезбоженном и обездушенном* XVI и XVII веке, что ее душа не только опустошена, но и *испоганена*.

Существует легкое и простое объяснение совершившегося разрушения России: *свобода пришла слишком рано*.

Это объяснение антиисторично и потому с исторической точки зрения оно не выдерживает ни малейшей критики. Верно как раз обратное: *свобода пришла слишком поздно и слишком разом*. Она своим запоздалым приходом *затопила* государство и *расплавил* все социальные рамки, кроме, как оказалось потом, одной жестко конкретной и в то же время полицейско-абстрактной железной скобы, все под себя подгибающего и все под себя уравнивающего, все для себя упрощающего принуждения. В этом растопленном и расплавленном состоянии общество не могло существовать. Оно должно было собраться и отвердеть. Тут сложилось самое роковое. Помните, гениальный русский историк философии Константин Леонтьев — одна из самых интересных фигур нашей духовной жизни XIX века, этот глубокий и яркий мыслитель, который был в политике не консерватором, но подлинным реакционером, вычеканил вызывающую формулу:

Россию надо подморозить.

Ну что ж, господа, эта мечта гениального реакционера осуществилась, конечно, не так, как думал Константин Леонтьев!

Большевики сначала растопили и расплавили Россию своей революцией. А затем они принялись подмораживать и затормаживать Россию безбожным и бездушным холодом своего коммунизма.

То, что Россию растопили и расплавили бунтом, было все-таки меньшее зло, чем то, что ее, расплавленную, подморозили и морзят в коммунизме и безбожии.

Отрешаясь от конкретных обстоятельств русской революции, родившейся в буре и в грозе мировой войны, и углубляясь только в исторические корни и условия происшедших событий, мы можем ясно нащупать причины, выражаясь медицински, «этиологию» обрушившейся на Россию катастрофы.

В России исторически масса населения не была приобщена к собственности и свободе. Собственность же есть основа и палладиум свободы и права.

Если масса населения была недостаточно приобщена к собственности и свободе, то, с другой стороны, верхушка общества: прежние привилегированные классы (дворянство) и позже народившиеся

слои буржуазии, со включением так называемой интеллигенции, слишком привыкли жить *за хребтом государства*. Они не научились ответственности за государство как самостоятельные участники власти, как строители права и порядка. В момент революции они находились еще всецело во власти не идеи, а мифа свободы, то есть не умели отличить *свободу от своеволия*.

Народные массы не имели ни вкуса к свободе, ни уважения к ее основе — собственности. Образованные же классы не имели достаточно *активного отвращения к своеволию*, то есть к попранию права и прав, и главного, самого основного из них — собственности. Всегда в революциях, политических и социальных, судьба и исход их решаются не силой натиска, а силой сопротивления.

Так было и у нас.

«Профессиональные революционеры», каковыми являлись большевики, использовали разрушительные, упростиельные, уравнильские инстинкты, страсти народных масс и, овладев ими, справились со слишком поздно возникшим, слишком слабо организованным и плохо объединенным сопротивлением национальных и государственных сил.

Как же разморозить коммунистически замороженную Россию, замученную, оскверненную и опоганенную?

Это возможно, это удастся только с помощью того начала, той силы, которая роковым образом не давалась до сих пор России: *свободы*.

Когда-то на самом рубеже XIX и XX веков я так формулировал задачу нашей эпохи: *в праве утвердить права*. Эта задача завещана нам нашим историческим прошлым. И ее с прямо-таки потрясающей силой и отчетливостью раскрыла перед нами революция, ниспровергшая стародавнее право и в то же время растоптавшая те права, которые уже были утверждены в праве, и те, которым предстояло быть завоеванными.

Клич, под который мы собирались тридцать лет тому назад, *клич освобождения*, в наши дни не только не утратил силы и смысла, — совсем наоборот, именно в наши дни, когда, пользуясь старой, вычеканенной еще в московскую эпоху выразительной формулой — Россия вновь «в пустошь изнурилась», — этот клич стал окончательно непрекаемым, раскрыв всю полноту и красоту своего государственного содержания и человеческого смысла. Его возвышенная и суровая правда, требующая от лица в одно и то же время подчинения правопорядку и восстания за право и права, теперь запечатлена ужасным уроком той реакции, которая под личиной революции заморозила Россию в коммунистическом рабстве и советской нищете.

